

Тонг Янь подошел к старейшине Шеню и открыл ей рот, чтобы попрошайничать.

"Дедушка, мы также хотим остаться на ужин".

"Дедушка, пожалуйста, не игнорируй меня.

"Дедушка, я очень скучаю по тебе и не могу оставаться вдали от тебя."

Тонг Янь так редко пользовался карточкой жалости.

Старейшина Шень посмотрел на нее и вздохнул. "Тогда оставайся, если действительно хочешь. Инь-Инь, тебе тоже стоит остаться на ужин. Кстати, как твои родители, и когда ты приехал в Хва Ся?"

Чуй Инь сел и ответил с улыбкой: "Дедушка Шень, я приехал вчера. Мои родители, дедушка с бабушкой и бабушкой прекрасно справляются, на самом деле они попросили меня передать вам свои наилучшие пожелания. Как насчет тети Ю, как у неё дела?"

"У неё всё хорошо, у всех нас. Не забудь передать привет и твоим родителям, бабушкам и дедушкам".

"Это хорошо. На самом деле, мы слышали о том, что случилось с твоей семьей раньше; мои бабушка и дедушка почувствовали себя опечаленными, когда услышали об этом. Вы знаете, что мы с Маленькой Янь были друзьями с самого детства, поэтому я не мог не жалеть ее. Дедушка Шень, Маленький Янь на самом деле тоже невинная жертва во всем этом, и она действительно не могла заставить себя держаться подальше от тебя". Чуй Инь замолвил за Тонг Янь хорошие слова. Она знала, что это может повлиять на мнение старейшины Шэня.

В конце концов, Старейшина Шень был достаточно ясновиден, чтобы понять, что он не должен повесить ошибку старшего поколения на Тонг Янь. Более того, Тонг Янь практически вырос под его взглядом, поэтому он был очень неравнодушен к ней. Если бы им удалось заставить старейшину Шэня смягчить свое отношение к Тонг Яну, то Тонг Янь мог бы и дальше быть Шэнем.

Чуй Инь осмелилась поднять этот вопрос, потому что заметила, как старейшина Шень относился к Тонг Яну. Он был все еще мягкосердечен по отношению к внучке, которую он вырастил.

Как она и ожидала, старейшина Шень вздохнул. "Никто из нас не винил ее, но есть много

вещей, которые вы не понимаете, что произошло. Давайте больше не будем говорить об этих печальных вещах. Вообще-то, я впечатлен, что вы двое оставались друзьями все эти годы".

"Конечно, раз уж я узнал ее как свою подругу, то она будет моей подругой всю жизнь", - с гордостью сказал Чу Инь.

Тонг Янь взяла кий и подняла руку, чтобы сказать: "Дедушка, я тоже! Я признал тебя своим дедушкой, и ты всегда будешь моим дедушкой! Семья Шэнь всегда будет моей семьей; я Шэнь, пока я дышу!"

Старейшина Шэнь был ошеломлен, как будто его тронуло провозглашение Тонг Яня. Чуй Инь отметил его ответ и быстро подал сигнал Тонг Яню.

Тонг Янь понял и пошел вперед, чтобы обернуть руку старейшины Шэня, и начал плакать. "Дедушка, я знаю, что был непокорным ребенком, но обещаю, что с этого момента я изменюсь! Пожалуйста, не выбрасывайте меня! Я не хочу потерять никого из вас. Я хочу, чтобы вы навсегда остались моим дедушкой!"

"Дедушка Шэнь, почему бы тебе не вернуть Маленькую Янь, она действительно усвоила урок и не хочет расставаться ни с кем из вас. Маленькая Янь - твоя единственная внучка, несмотря на то, что между вами обоими нет кровной связи, она выросла на твоих глазах. Я уверен, что вы не захотели бы отречься от нее из-за ошибки, которая не является ее собственной, не так ли?" Чуй Инь продолжил.

Старейшина Шэнь был явно тронут. Чуй Инь был прав, старейшина Шэнь скучал по Тонг Яню. В конце концов, она была его единственной внучкой, которой он отдал всю свою любовь.

На самом деле, у него тоже не хватило духу отречься от Шэнь Ру.

Однако их сохранение лишь напомнило бы старейшине Шэнь обо всём, что делала семья Лин. Поэтому, по крайней мере, пока, он не смог бы принять Шэнь Ру и Тонг Янь обратно с распростертыми объятиями.

<http://tl.rulate.ru/book/9165/989912>